

БЕЛЫЙ КРОЛИК ИЗ ЧЕРНОЙ ШЛЯПЫ

МАНС НЕВОЛОШИН
Родился в Самаре. Работал учителем средней школы, после защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью

в России, Новой Зеландии и Австралии. Публиковался в «Новом журнале», «Волге», «Дружбе народов» и др. Автор двух сборников рассказов: «Шла шаша по соше» (2015) и «Срез» (2018). С 2003 года живет и работает в Сиднее.

- Михал Иваныч, – сказал я директору в августе, – давайте создадим английский класс.
- Зачем? – Он поднял страдающий утренний взгляд, будто штангу.

Директора, бывшего заврайоно, сослали в школу за алкоголизм. Все это знали, даже учащиеся. Таким зигзагом биографии в деревне никого не удивишь. По утрам Михал Иваныч работал с документами и сильно ценил одиночество. Самое время просить что-нибудь.

- Ну как же, вот смотрите, – злорадно начал я издали, – я три года в школах и ни дня не работал по специальности. Мой основной предмет – английский. А что я вел? Алгебру, геометрию, русский, литературу, немецкий, физкультуру...
- Конкретней, – поморщился он.
- У нас в этом году большой четвертый класс. Делим его пополам. Светлане Петровне – немецкую группу, мне – английскую.
- А где я возьму учебники? – Он вздохнул. – Ладно, сделаем так: обзвоню несколько школ, может, есть излишки у кого – поедешь, заберешь. Найдем достаточно – будет тебе класс.

Неделю я мотался по окрестным селам. Радовался нишей вольности ландшафта, запахам осени, пыли, коровьих изделий, болтанке дорог и спонтанности транспорта. Все это было лучше

участия в школьном ремонте. Каждый вояж приносил два-три относительно целых учебника. Тут отзвонилась Алакаевская школа, пообещав аж десять. Я вспомнил, откуда знаю слово «Алакаевка». В этом селе молодой В.И. Ульянов готовился экстерном получить диплом юриста. Но по специальности тоже не работал – известно, к чему это привело.

Шагаю на автобус, груженный сумкой книг. В одном из дворов – нехорошие звуки: гармонь, женские визги, мат, и кого-то увлеченно бьют. Ускоряю шаг – как знал: выходят из калитки двое.

– Эй, стой!

Я – ценитель личного пространства. Общения с кем попало не люблю, из единоборств предпочитаю бег. Этим даже с грузом сделал бы легко. До остановки метров сто, а дальше? В поле? В лес? Два ярких представителя глубинного народа. У одного свежеразбитая губа, другой – в белой рубашке пузырьрем. Бухие до внезапной противоречивости.

- Ты кто, земляк? Откуда?

Всю жизнь на разных языках и территориях я слышу эти милые вопросы. Смысл их простой – ты здесь чужак, незванный гость. И думается: есть ли на земле такое место, где меня не спросят, кто я и откуда? Где во мне признают своего...

- Сам, – говорю, – давно хочу понять.

- Ты борзый, что ли?
- Нет, просто умный. Учитель из Рождествена. Ездил в вашу школу по делам. Так я пойду?
- Прикольный чуфачок, а, Фоф? – бубнит «губа». – Отмудохаем ефо на фякий сучай?
- Погоди, я Рождествено знаю, – говорит «рубача», – у меня там родственник живет, шурин, брат двоюродной сеструхи, то есть муж. Весной на тракторе перевернулся. На гусеничном тракторе за самогоном ехал – ночью. Через овраг срезал, дебил...
- Не шурин, а деферь.
- Сам ты деферь! Сказал же: тракторист. Знаешь, учитель, Андруху-тракториста?
- Кто ж его не знает.
- Во! Сразу видно – наш пацан. Пошли, брат, выпьем, у нас тут свадьба. Выпить мне хотелось, но в другой компании.
- Спасибо, только книги отвезу – и сразу к вам.
- Не-не-не, умник, прям сейчас!

И щупальца тянут, уроды...

Но – чудо: шум мотора, автобус! Без лишних слов включил четвертую. Успел.

Я долго не решался написать об этом классе. Так помалкивают люди, найдя в захламленном чулане дверцу в идеальный мир. Слова «работа», «труд» здесь не годились. Происходившее скорее напоминало беззаботный флирт, когда, торопясь на свидание, ты знаешь, что любой твой жест, любое слово будут верными. Притом ты сомневаешься в реальности истории, даже находясь внутри нее. Дистанция в пару часов или метров немедля обращает ее в сур.

Демографический профиль села Рождествено определяли ближайшие госпредприятия: рыбсовхоз, спиртзавод и зона. Две четверти населения добывали выпивку-закуску, третья грела нары, последняя ее стерегла. То и дело жители менялись ролями, что укрепляло общую гармонию системы. Пили в селе много, жили быстро, школа исправно готовила новых сидельцев, охранников и заводчан. Вероятность найти в такой школе класс, свободный от гопоты и придурков, была отрицательной. Шанс собрать двенадцать ребятшек, увлеченных английским языком, – нулевым. Тем не менее дважды в неделю я сквозь волшебную дверь проникал из мира абсурда и зла в цитадель комфорта и смысла. В класс, где можно отдать талантливим детям то, что им хочется взять.

Мой интерес к английскому всегда был прагматическим, лишенным эстетики, тем более метафизики. Я учил его, преодолевая скуку и лень,

ибо рано смекнул, что однажды он станет средой обитания. Десятилетия совместной жизни не сделали нас идеальной парой. До сих пор английский часто кажется мне шифром, баловством, которое в любой момент окончится, и все заговорят по-человечески.

Иняз объединил меня с людьми другого склада. Чужой язык давался им легко и радостно, как припоминание езды на велике или знакомого некогда города. Я объяснял это капризом одаренности, поскольку близко знал двоих – типичных раздолбаев. Иного объяснения просто не было. Идеи реинкарнации, параллельных вселенных казались тогда чепухой. Лена Чистякова пошатнула мой рационализм.

Досадно устроена память: заботливо хранит фамилии всех школьных хулиганов, их лица, имена. А из класса мечты помню только Лену. Заметил я ее не быстро: таких учителя и одноклассники не видят. Унылая форма, светлые косички, в облике нечто ускользающее, лисье. Но всегда поднятая рука. И шеренга пятерок в журнале. Из любопытства глянул другие предметы: четверки в основном. К зиме я понял, что она не делает ошибок, ни устно, ни письменно – нигде. И все-таки Лена терялась на фоне бойких и смысленных одноклассников. Ее голос был тише, рука – одной из. Пока не стала единственной.

Шел обычный в этом классе удивительный урок. Занимались темой «Город». Лексика, повтор, описания картинок, вопросы, текст на дом. Приготовился читать, вдруг Лена тянет руку.

– May I read it?

– You? But this is a new text. It's for reading at home.

– Я его уже читала.

– When?

– Yesterday.

Зависаю на секунду. И слышу невероятное:

– Please. I can do it, trust me.

Фраза «trust me» была, конечно, слуховой галлюцинацией. Не мог ее произнести ребенок, знакомый с английским меньше года. Она из слишком разговорных и естественных. Уровень свободного, как воздух, языка. Послышалось. Забыть, не отвлекаться.

– Okay. – Я кивнул.

Лена начала читать.

Люблю учебники Старкова и компании: мир дисциплинированных юных пионеров, а также их родителей – высоких, круглолицых, белозубых и румяных. Эти прекрасные люди живут на улицах

увидел... Или не увидел? Из глубины поднимались ужасные тени, исчадия океана, пасти шире туловищ, мертвые глаза. «Вали отсюда, идиот!» – завизжал рассудок. Спустя мгновение паническим фристайлом я ломился к берегу.

Подобный беспорядок чувств – шок, ужас, любопытство – я испытал в далеком прошлом, осознав конечность жизни, в частности своей. Затем чуть легче перенес известия о бесконечности пространства и непознаваемости мира. Говорят, что эти три инсайта – маркеры ухода детства, отрочества, юности. Если так, то юность моя сильно затянулась. Тревожный интерес к непознаваемому с годами стал подобием симпатии – оно кокетливо, забавно, всегда рядом. В нем есть очарование черной кошки в темной комнате или зеркала – в пустой.

Доступная нашему познанию материя – крупнца одной из бесконечного множества вселенных. Остальное – мегаизнанка условной реальности, нечто, о котором мы – пленники четырех измерений – не способны узнать ничего. Равно мы не в силах его вообразить, ибо самые дерзкие наши фантазии, абстракции, метафоры, тончайшие приборы есть производные наших же органов чувств. Пытались, однако, многие, и удачней других, на мой взгляд, Стивен Кинг. В романе «Под куполом» он моделирует непознаваемое через его контакт с людьми, похожий на жестокую детскую игру.

Мне кажется, там нет жестокости, намеренного зла или добра, нет логики и смысла в нашем понимании. Так путник на лесной тропинке мимоходом давит сотни организмов, невидимых букашек, муравьев. И так же походя, доев банан, швыряет в чашу кожуру, одаривая счастьем их родню на всю микроскопическую жизнь.

Но иногда непознаваемое хочет, чтобы мы его заметили, не перепутав ни с чем другим: ни с банальным совпадением, ни с обманом зрения, слуха, интуицией, эффектом дежавю, вещими снами и прочими фокусами бессознательного.

Однажды я страдал тяжелой формой ревности. Мне предпочли ничтожество, но это полбеда. Хуже того – все происходило рядом. Я постоянно видел их, слышал их ночами – стены в общежитии тонкие. Оба догадывались, как мне хреново. Она – точно, и ей было пофиг. Внешне я держал лицо: притворялся ироничным, снисходительным. Внутри – достиг границы упомешательства, не мог заниматься делами, есть, спать. Я весь превратился в мысли о том, что творится у них за стеной.

Нет, еще вспоминал об одном человеке, друге, способном меня исцелить. Друг был не книжным психологом, вроде меня, а настоящим, от Бога. Он жил далеко, в Барнауле, знал всех участников драмы, нашел бы правильные слова. Да не в словах одних дело. Если б решали только слова, я бы ему позвонил. Мне требовались его глаза, прямой, циничный взгляд, свобода беспризорника, ухмылка мудрого шута. Хотелось его обнять, нажаться вдвоем до синхронного бреда, утром вместе болеть, ждать открытия магазинов, лечиться где-нибудь на стройке или в парке и говорить, говорить... и молчать – какая разница? Есть люди, рядом с которыми мир теряет вес. Но не звонить же в Барнаул, типа, Андрей, бросай все, лети спасать меня от ревности. Он-то, может, и полетит, но я тогда кто? Эгоистичная скотина.

Дальше – понятно. Он прилетел сам.

Стук в дверь. Утро после мутной, бессонной ночи.

– Макс, бегом на вахту, телефон.

И сюрреалистический голос в трубке:

– Здорово, кабан, наконец-то!

Доля секунды. Отброшена версия сна.

– Андрей... Ты где?

– Угадай с одного раза. В Москве, в Москве! Только что прилетел по делам. Но дела – потом, сейчас еду к тебе. Надо срочно оттянуться, я прихватил тут кое-что...

– Но как ты... узнал? – подумалось вслух.

– Узнал о чем? – Его голос изменился. – Ладно, не будем мучить кота. Через час я допрошу тебя с пристрастием. И ты мне все расскажешь.

За час, пока он ехал, меня отпустило напрочь, будто морфия кольнули или вымыл пыльное окно. Покой и ясность обрела душа – и незачем грузить Андрея. А совпадение в этой истории одно: роман ничтожеств тем же днем закончился, да так скандально, грязненько, что я бы позлорадствовал, однако нет. Ушло.

Закон парных случаев – ирония непознаваемого. Контекст вариативен, принцип тот же. Думаешь о нужном человеке, и вам открывают портал, тоннель сквозь массив километров и лет. Сочинял я как-то рассказ и долго не мог «оживить» героя. Время размыло черты прототипа, стерло его мотивации, речь. А без прототипа герой – фанера, что видно даже у классиков. Онегин, например, – голая выдумка, схема, автору требовалась именно она. Гринев живой где-то на треть, за ним маячат реальные люди. Самсон Вырин – точный портрет человека, которого Пушкин знал. Мне

интересна правда, личный авторский опыт, цепкость детали, выбор и порядок слов – если все это есть. А если нет, то никакая фантастическая клюква не поможет. Лучшая фантазия всегда растет из жизни, как палец из сточного отверстия раковины. При всем уважении к товарищу Стивену я делю его тексты на две группы: одни ходят по краю реальности и нереальности, и они прекрасны; другие свалились за этот край, вспугнув бабаек и прочих чертей.

В общем, без идеального донора шансы героя стремились к нулю. И вдруг – на почте сообщение – он. Бывший сослуживец, прототип, никаких контактов за шесть лет. Я открыл этот месседж не сразу. Подержал в себе ощущение ветра, тоннеля, астрального холода. Я знал, что действительно вышло на связь. Экс-коллега спрашивает, нет ли у меня желания поработать. Естественно, нет, но зависит, мы переходим на скайп. Беседуем впустую, решение отложено. Я получаю свой триггер. Затем – взаимная тишина. Непознаваемое извлекло человека на свет, будто кролика из шляпы, и, усмехнувшись, вернуло обратно. Вопрос: для кого был кроликом я? Лена Чистякова, Коннор... Кто эти мистические дети? Чьи души проступают из инобытия?

Кажется, я отключился на пару секунд. Коннор смотрел вопросительно.

* * *

Этого ребенка перевели к нам в середине года. Его отец был крупной шишкой в Exxon Mobil, мама, естественно, – домохозяйкой. Выглядел Коннор слегка заторможенным: вялым, молчаливым, безучастным ко всему. Шутки одноклассников в свой адрес игнорировал.

Как-то раз я объяснял ему идею умножения с помощью так называемых бусин Монтессори. Коннор смотрел мимо.

– Ты понимаешь, что мы делаем? – спросил я.

– Да, – ответил он.

– Что?

– Числа могут умножаться, – тихо выговорил он.

«Отдать бы тебя в спецкласс, бедняга», – подумал я.

День спустя он попросил «Контрольную таблицу умножения 100». Для Коннора это было слишком рано. Однако его первый интерес к чему-то за два месяца – такое не стоило упускать. После мы бы сделали шаг-другой назад. Вообще отказывать ребенку в частной школе принято лишь в самых

крайних случаях. «Контрольная таблица 100» – это большой квадрат, разделенный на сто маленьких. Цифры 1–10 в левом столбце и верхнем ряду, остальные квадраты пусты. Коробка пластиковых фишек с результатами. Задача – выложить из них таблицу умножения.

Я медленно собрал половину таблицы. Коннор разглядывал стену чуть выше моего плеча.

– Хочешь дальше? – предложил я.

– Ага.

Он позвал меня час спустя. Таблица была собрана верно.

– Тебе кто-то помог?

Коннор помотал головой. Я не поверил.

– А еще раз с начала?

Он кивнул. Я сдвинул фишки с таблицы, перемешал.

– Поехали.

В этот раз я наблюдал за ним. Коннор управлялся минут за сорок. Это напоминало мистификацию. Будто он знал таблицу умножения и разыгрывал меня. Да – но не с его характером.

На другое утро Коннор сам взял «Таблицу 100» и сложил ее за полчаса. Несколько одноклассников собрались вокруг.

– Хорошо, – сказал я, – усложним задачу.

Сдвинул числа, перемешал, указал наобум – 72.

– Где его место?

– Здесь. – Коннор ткнул пальцем в пересечение 9 и 8. – И еще здесь.

Возникло тоскливое чувство бессилия мозга, желание выдать реальность за самообман. Время резко затормозило, или ускорились мысли, что по сути неотличимо... Кажется, я забылся на пару секунд. Коннор смотрел вопросительно.

– А без таблицы слабо? – Я достал тетрадочку с заданиями.

Коннор нахмурился – писал он с трудом.

– Это не важно, как ты пишешь, – сказал я, – главное – что. С красотой мы после разберемся. Попробуй. У тебя получится.

Коннор пыхтел над заданиями остаток дня. Смотрел в пространство, шевелил губами. Забрал тетрадочку домой.

Назавтра у меня состоялся разговор с его мамой. Хельга или Хелена, крупная, ухоженная блондинка скандинавского типа. Тонкий парфюм, слегка расфокусированный взгляд.

– Как вам это удалось? – спросила Хельга. –

Я Коннора таким счастливым никогда не видел. И эти задания... Он до ночи их решал. Насилу уложили спать.

- Методики хорошие, – скромно ответил я. – И еще... У вас очень талантливый ребенок.
- Удивительно. А мы боялись, что... Ладно, не в этом дело. Знаете, мы скоро переезжаем. Мужа переводят в Австралию. И мы решили что-то сделать для этой школы. Для вашего класса. Может, надо что-нибудь из мебели или оргтехники?
- Есть один дидактический материал, голландский. Но стоит очень дорого.
- Деньги для нашей семьи не проблема, – улыбнулась Хельга. – Как называется материал? Я запишу.

Она вынула из сумочки мобильник.

Не понимаю, что меня взбесило: фраза о деньгах или беспечный, светский тон.

- О как, – произнес я с нескрываемым сарказмом. – Рад за вашу семью. Только при чем здесь школа и класс? Подарите эти деньги мне. У меня долги. Я два года не был в отпуске. Меня продавцы секонд-хендов знают в лицо... И не надо так смотреть. Ты боялась, что твой сын debil, а я открыл, что он гений. Я – и никто другой. Но учитель же для вас – прислуга, оргтехника, мебель...

Как талантлив мой внутренний голос. Сколько монологов – горьких, отчаянных, дерзких – создано им. Какие правильные найдены слова.

Через месяц в школу доставили большой фанерный ящик из Голландии. Благодарности от директрисы в мой адрес не последовало. Не говоря уже о премии. Впрочем, я и не ждал.

